

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ КНР И СССР

А.В. Лукин*

Советский Союз распался почти два десятилетия назад, но до сих пор облик российской науки определяют люди, получившие образование в советскую эпоху. Это касается и китаеведения. Естественно, достоинства и недостатки советского подхода к общественным наукам отражаются и на изучении Китая. Советский Союз по сравнению с рядом других крупных мировых империй существовал исторически довольно непродолжительный срок, но за это время была создана уникальная цивилизация, достоинства и недостатки которой еще долго будут предметом дискуссий поколений потомков. Тоталитарный советский режим войдет в историю благодаря беспрецедентному в истории массовому террору против собственных жителей, малопонятной населению утопической марксистской идеологии, захватнической внешней политике, крайне неэффективной экономике и многим другим своим хорошо известным негативным особенностям. В то же время не вызывает сомнения, что в советское время, по крайней мере в определенные периоды, в стране существовала передовая, вполне конкурентоспособная в международном плане фундаментальная, а в ряде отраслей и прикладная наука.

Недостатками общественных наук в СССР были их идеологизированность и обращенность на обслуживание политических целей государства. В частности, побудительным мотивом для развития китаеведения, как и востоковедения в целом, обоснованием их государственного (а другого и быть не могло) финан-

сирования всегда выступало стремление обслужить те или иные политические цели. До 1949 г. такой целью была поддержка китайской революции, затем — обоснование «вечной и нерушимой дружбы», позднее — разоблачение «ревизионистского» и «оппортунистического» характера политики Мао Цзэдуна. Однако в сложной системе организации науки в СССР, особенно в советской Академии наук, всегда находились разумные люди, которые могли объяснить руководству страны, что для достижения поставленных целей необходимо глубокое изучение всех аспектов китайской истории и общественного развития. Это обеспечивало финансирование и развитие фундаментального китаеведения.

В результате, развивая традиции российского востоковедения, советское китаеведение добилось больших успехов, создав целый ряд концепций и научных школ, ничем не уступавших зарубежным, а может быть, и превосходивших их. В то же время необходимость постоянно доказывать оправданность своего существования политическими целями и идеологизированный характер тоталитарной политической системы в целом отложили отпечаток и на подходы к изучению китайского общества.

Политизированность советского китаеведения имела двоякий характер. С одной стороны, ряд работ и авторов занимались прямым обслуживанием целей, которые ставились перед ними политическим руководством: критика режима Чан Кайши, доказательство возможности и необходимости революции в Китае, критика «культурной революции» как отступления от «правильной» (т.е. советской) модели социализма, критика реформ Дэн Сяопина как «право-ревизионистских» и т.п. Эта официальная политизирован-

* Автор выражает благодарность М.Е. Кузнецовой-Фетисовой за ценные замечания по данной работе.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

ность хорошо известна и уже анализировалась. Но существовала и противостоящая официальной неофициальная политизированность, о которой сегодня практически не говорят. Речь идет об использовании примера Китая для того, чтобы показать несовершенство советской системы, подвергнуть ее критике в условиях, когда прямо это было сделать невозможно. Такой подход был обусловлен обстоятельствами и субъективно преследовал благие цели, но сегодня следует признать, что цели эти все же не были вполне научными. Он приводил к тому, что под видом исследования Китая в действительности описывалась советская система, что часто приводило к преувеличению сходства между СССР и КНР, к недооценке различий между ними.

В советское время в подобных целях использовались примеры не только Китая, но и ряда других государств, например Венгрии, Югославии, Кампучии «красных кхмеров», да и некоторые явления на Западе описывались с точки зрения необходимости использования их в СССР. Вероятно, некритическое принятие западных экономических теорий, причем наиболее праворадикальных из них, во многом и привело к плачевным последствиям для российской экономики, когда сразу после распада СССР к власти пришли люди, изучавшие западную экономику не саму по себе, а исключительно как элемент критики советской государственно-плановой системы. В данной статье рассматривается лишь то, как подобный подход сказался на изучении Китая, а также влияние неофициальной политизированности на некоторые концепции советского китаеведения.

Политическая культура: устойчивость традиции

Одной из наиболее влиятельных концепций советского китаеведения было утверждение особой, уникальной роли традиций в китайской истории¹. Эта идея

¹ В концентрированном виде эта позиция выражена в статье Л.С. Васильева «Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае»

пришла в СССР с Запада, в основном из США, в основном среди «либеральных» (т.е. «левых») авторов. В 1950-е годы правые в США обвиняли в поражении Чан Кайши и приходе к власти в Китае компартии ошибками демократических администраций и даже подрывной деятельностью некоторых либералов, определявших в 1940-е годы китайскую политику Вашингтона. В ответ рядом либеральных китаеведов (Б. Шварц, Р. Соломон) была выдвинута теория об уникальной устойчивости китайских традиций. Согласно этой теории коммунизм наилучшим образом представлял китайскую традицию и фактически являлся возрождением традиционного авторитарного Китая в новых формах. Этим, по сути, оправдывалось поражение «сил демократии» в Китае, преодоление которыми тысячелетней авторитарной традиции было и вряд ли возможным.

Авторы концепции уникальной устойчивости китайской традиции рассматривали китайскую политическую культуру как необычайно устойчивую, почти не подверженную изменениям систему «устойчивых доминирующих ориентаций»², зародившихся еще в глубокой древности и воспроизведенных в новых формах в коммунистическом Китае. Известный американский политолог Л. Пай писал: «Комбинация бюрократической иерархии и идеологического подчинения управляла почти всеми измерениями традиционной китайской политической культуры. Как отмечали многие наблюдатели, коммунисты снова дали китайцам политическую систему, сконцентрированную вокруг бюрократической иерархии, на этот раз в форме коммунистической партии, и вновь интегрированную всепроникающей идеологией — марксизмом и маоиз-

в сборнике «Китай: традиции и современность» (М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976), она развивается в других статьях сборника, а также других сборниках о китайских традициях, подготовленных отделом Китая Института востоковедения АН СССР.

² Benjamin I. Schwartz. *The world of thought in ancient China* (Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1985).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

мом... Важно, что имперская бюрократия и коммунистическая партия в процедурной практике, так же как и конфуцианство и маоизм, в идеологическом содержании ясно подчеркивали вопросы власти и порядка»³.

В СССР эта концепция быстро нашла сторонников по ряду причин. Во-первых, она во многом соответствовала теории «азиатского способа производства», зародившейся в рамках марксизма, но имевшей оппозиционную по отношению к официальной идеологии направленность. Если критика маоизма давала возможность выразить мнение об отдельных политических аспектах советского режима, то теория «азиатского способа производства» позволила составить своеобразную всеобъемлющую теорию советского общества, основанную на смеси марксизма, веберизма и более новой западной теории тоталитаризма. Один из наиболее последовательных сторонников теории «азиатского способа производства» А.В. Меликсетов в 1970–1980-е годы так определял результат столкновения традиционного китайского общества с капиталистическим западным миром: «Главной... особенностью структуры китайского традиционного общества являлось непосредственное противостояние и взаимодействие мощного аппарата власти эксплуататорского государства и огромной массы мелких производителей деревни и города, что и нашло свое воплощение в китайском деспотизме. Господствующий класс китайской деспотии, опиравшийся на определенное единство собственности и власти, выступал прежде всего в качестве коллективного эксплуататора, как «класс-государство». Представляя собой в определенной мере единство базисных и надстроечных явлений, китайский деспотизм не только был мощным орудием классового господства, но и существенно воздействовал на процесс классового образования; степень близости к власти становилась основным показателем социального статуса. Антагонисти-

ческая по своему характеру, деспотическая социально-политическая структура выполняла в то же время важные интегрирующие функции, связывая воедино хозяйственно-атомизированное общество, сдерживая его центробежные тенденции... В сфере частноправовых отношений подданный китайской империи имел определенные гарантии своей собственности, однако во взаимоотношениях с государством, в публично-правовой сфере, где, по выражению К. Маркса, царило «поголовное рабство», частный собственник никаких гарантий своей собственности и личности не имел... Деспотизм, китайская империя все больше расширяли свои экономические и социальные функции, все в большей мере использовали свою политическую власть для сдерживания социально-экономических процессов, грозивших гибелью старому строю. Политическая монополия, политическая сила, оказавшаяся способной в течение долгого исторического времени подавлять оппозицию, в условиях новой исторической эпохи порождала экономическое бессилие, обрекавшее в конечном счете некогда великий Китай на полное политическое подчинение капиталистическим державам»⁴.

Внимательный советский читатель, привыкший к эзопову языку, легко заменил в вышеприведенном тексте Китай на СССР и получал мощный вердикт советской системе: деспотизм, основанный на всеохватывающей госсобственности, эксплуатация поработанных масс трудящихся чудовищным «классом-государством», подавление оппозиции, отсутствие гарантий для частной собственности, и в результате — экономический застой. Напрашивались и рецепты: ликвидировать бюрократическую деспотию, дать свободу частной собственности и частному предпринимательству, прорвать международную изоляцию.

Тот факт, что, говоря об «азиатском способе производств» в Китае, сторонни-

³ Pye L. W., *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1992. P. 15–16.

⁴ Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 8–9.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

ки этой теории в действительности думали об СССР, стал явным уже в период горбачевской «гласности». Один из ее основных сторонников Л.С. Васильев тогда написал, что «коммунистический тоталитаризм — лишь модификация классической восточной деспотии с ее произволом власти, бесправием индивида, строго контролируемым рынком и несвободной частной собственности. Модификация, к слову, экстремистская по основным своим параметрам, то есть ушедшая в сторону деспотизма много дальше, чем то было в случае с классическими восточными деспотиями»⁵.

Во-вторых, теория устойчивости традиций в Китае соответствовала аналогичной теории, выдвинутой сразу после революции 1917 г. рядом российских авторов, пытавшихся объяснить победу большевиков. Например, уже в 1918 г., еще находясь в России, Н.А. Бердяев написал следующие слова: «На поверхности все кажется новым в русской революции — новые выражения лиц, новые жесты, новые формулы господствуют над жизнью... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину... Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи»⁶. Идеи преемственности большевистской России по отношению к царской Н.А. Бердяев последовательно развивал во многих своих произведениях. Например, в написанной значительно позднее и получившей широкое подпольное распространение в брежневском СССР книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он утверждал, что СССР — это возрожденная Российская империя или даже Московская Русь, а ленинский марксизм гораздо ближе к российским революционным традициям, чем к европейской социал-демократии. Эти идеи противостояли в глазах недо-

вольных советской действительностью исследователей-обществоведов, в том числе и китаеведов, официальной советской теории о принципиально новом, прогрессивном характере советского общества, и в связи с этим получили у них большую популярность. Не имея возможности развивать их на собственно советском примере, они с еще большим энтузиазмом переносили их на Китай.

В задачи данной статьи не входит оценка описанных выше концепций самих по себе. В конце концов, как показал еще в своей «Структуре научных революций» Т.С. Кун, даже в естественных науках исследователи работают в рамках определенных общих концепций, понятийных парадигм, что не умаляет научных достижений⁷. На основе концепции уникальной устойчивости китайских традиций были достигнуты значительные успехи в развитии советского китаеведения, вышли многочисленные серьезные работы, углубляющие наше понимание традиционного и более современного китайского общества. Но все это не должно закрывать глаза на моменты политизированности самой концепции, которые порой вели к искажению итогов исследований в сторону недооценки новых элементов в современном китайском обществе.

Да и в рамках самого понятия «традиционный Китай» содержалось некоторое представление о неизменности его политических форм, о том, что, хотя политическая система Китая до 1911 г. и несколько видоизменялась, эти изменения не носили принципиального характера⁸. В самой этой идее явно виден отпечаток европоцентризма, представления о том, что если общество не развивается в том направлении, куда идет Европа (Запад), то оно и не развивается вовсе, но существует в раз-

⁵ Васильев Л.С. После банкротства // Новое время. 1990. № 49. С. 7.

⁶ Бердяев Н.А. 1991. Духи русской революции. Вехи. Из глубины. М. (впервые издано в 1918 г.). С. 251.

⁷ Кун Т.С. Структура научных революций. М., 1975.

⁸ Это касается не только Китая. В рамках общей теории «застывшего Востока» существовали также представления о «неподвижной Византии», «застойной Османской империи», Индии, куда истинный прогресс, как считал, в частности, К. Маркс, принесло лишь английское завоевание.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

и навсегда застывших формах. Эта теория, получившая популярность в Европе XVIII–XIX вв. и, вроде бы крайне устаревшая, вновь всплыла в работах зарубежных и российских китаеведов XX в., считавших, что если развитие Китая не идет в «нужную» сторону (к демократии западного типа), значит, там (как и в СССР) возродился традиционный авторитаризм. Этот подход также недооценивал новые элементы китайского общества, не учитывал, что общественная эволюция возможна в различных направлениях, и если где-то на протяжении тысячелетий не возникли формы цивилизации, сходные с западной, это не означает, что общество там застыло и не меняется⁹.

Один из постулатов теории необычайной устойчивости китайской традиции — положение об уникальной древности и непрерывности китайской цивилизации, которая якобы в практически неизменном виде существует четыре или более тысячи лет. В концентрированном виде она была сформулирована А.И. Кобзевым в телепередаче «Что делать?», посвященной теме «В чем феномен китайской цивилизации», вышедшей на экраны на телеканале «Культура» в 2009 г. Согласно А.И. Кобзеву «китайская цивилизация — единственная цивилизация в мире, которая существует на этом месте не то что 5000 лет, но, по некоторым данным, больше 2 млн лет», а ее очаг «сопоставим с африканским». Он утверждал, что, согласно неким исследованиям, «китайцы на своей земле существуют от состояния полуобезьяньего» и «процесс сапиентации, превращения человека в человека с обретением всех основных черт цивилизации не только близких нам, но просто фундаментальнейших, складывание функциональных взаимоотношений между органами мышле-

ния, между полушариями мозга, образование языка, уж не говоря про письменности, все это на этой территории происходило и кумулятивно наращивалось»¹⁰. Далее А.И. Кобзев уточнил, что речь идет об особой развитости левого полушария у китайцев в отличие от правого у других народов, отметив, что это может быть связано и с расовыми особенностями¹¹.

В данном случае известный российский китаевед фактически солидаризировался с наиболее радикальной версией идеологии китайского «расового национализма», активно поддерживаемой пекинскими властями¹². Оно, как и всякая идеология, сочетает в себе ряд положительных верных и доказанных, ряд спорных и недоказанных и ряд откровенно ложных. Так, на сегодняшний день никаких доказательств того, что современные китайцы произошли по прямой линии от синантропа (а вероятно, именно синантроп здесь имеется в виду), не существует¹³. Промежуточные звенья не найдены, да и как выглядел синантроп — точно сказать крайне трудно, так как от него сохранились лишь несколько фрагментов черепа (значительная часть находок была утрачена)¹⁴. Эта теория одно время ак-

⁹ В замечательной работе А.А. Бокщанина показано, что китайское государство эволюционировало на протяжении всего времени своего существования, но не в том направлении, что в Европе. См.: Бокщанин А.А. Очерк истории государственных институтов Китайской империи // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М.: Наука. Восточная литература, 1993. С. 273–333.

¹⁰ «Что делать?» В. Третьяков. В чем феномен китайской цивилизации? (Китай) 01 (выпуск 244), 08.11.2009. <http://www.mgimo.ru/videoblog/blog.php?view=190&rub=1&play=1&page=1#190>

¹¹ Там же.

¹² По поводу этой идеологии см., например: Barry Sautman, *Peking Man and the Politics of Paleoanthropological Nationalism in China* / *The Journal of Asian Studies*. Vol. 60. No. 1 (Feb., 2001). P. 95–124; Sigrid Schmalzer, *The People's Peking Man: Popular Science and Human Identity in Twentieth-Century China*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

¹³ Именно синантропу, которому, по последним данным, все же не 2 млн, а около 750 тыс. лет, приписывались черты монголоидов на основании сходства резцов. Более древние гоминиды, найденные на территории современного Китая, например, т.н. ланьяньский человек (1 млн лет) или юаньмоуский человек (1,7 млн лет) признаков монголоидов не имели.

¹⁴ См., например: Величковский Б.М. *Когнитивная наука. Основы психологии познания*. Т. 1. М., 2006. С. 79.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

тивно пропагандировалась китайскими учеными, стремившимися доказать уникальность своей цивилизации, но сегодня даже в Китае ее разделяют не все.

Исследования о корреляции между характером письменности и развитостью полушарий мозга, действительно, существуют. Согласно некоторым из них идеографическое письмо в большей степени способствует развитию левого полушария, отвечающего за чувства и ассоциации, в отличие от «логического» правого¹⁵. Но свидетельствует ли это об уникальности именно китайцев и их отличиях от всех остальных народов? Если особая роль «левизны» действительно связана с иероглифической письменностью, то следует признать, что иероглифы и сегодня используют не только китайцы, но и многие другие народы, а в прошлом это была вообще наиболее распространенная форма письменности. Как это повлияло на культуры различных народов, в какой период сложилось соотношение между полушариями, изменяется ли оно по сей день или остановилось, например, когда и древние египтяне, и жители Ближнего Востока писали иероглифами: вопрос, достойный изучения. Но в любом случае, китайцы здесь не уникальны. Если же «левизна» — следствие расовых отличий, то она должна быть присуща не только китайцам, а всем монголоидам.

Широкой распространенности мифологии об особой устойчивости китайской цивилизации способствует ее активная поддержка пекинским руководством, так как она позволяет ему, во-первых, гордиться древностью своей нации, а во-вторых, утверждать, что все территории, когда-либо контролировавшиеся любым государством, в состав которого входила хотя бы часть территории нынешнего Китая, исторически принадлежали Китаю. Например, территории, отошедшие к России во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке, были китайскими, потому что их считали своими маньчжуры, а Тибет и собственно Монголия — пото-

му что они входили в монгольскую империю. На том же основании правительство Китайской республики на Тайване до сих пор не признает независимость Монголии и даже официально не считает Окинаву частью Японии¹⁶.

Китай, по праву считающийся отдельной цивилизацией, необходимо сравнивать с другой приблизительно равнозначной по масштабам, например, европейской или индийской. По сравнению с ними в Китае мы увидим ничуть не меньше разрывов традиции и изменений. «Китай», т.е. государства, находившиеся на его нынешней территории, многократно завоевывались пришельцами, которые и этнически, и культурно сильно отличались от покоренных народов. Так, государство Шан-Инь было завоевано чжоусцами, в X–XIII вв. большую часть северного Китая занимали киданьское государство Ляо, а затем чжуржэньское государство Цзинь, причем китайская династия Южная Сун признала себя вассалом последнего. В XIII–XIV вв. Китай находился под властью монголов, а с середины XVII по начало XX в. — маньчжуров. Считать все эти государства китайскими — все равно, что записывать всех, кто когда-либо завоевывал хотя бы часть нынешней территории России, от древних греков до монголов, не говоря уже о ханствах Центральной Азии и польско-литовском государстве — в русские. Конечно, если речь идет о Китае как цивилизации — это сделать возможно, но не в большей степени, чем считать все народы Европы, от древних греков, до завоевавших Рим кочевников, и владевших частью Европы турок-османов — частью большой европейской цивилизации.

Важным аргументом в пользу уникальности китайской цивилизации обычно служит то, что все китайские завоеватели ассимилировались китайской куль-

¹⁵ Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая: Древнекаменный век. М., 1996. С. 37–43.

¹⁶ Абсурдность обыденного взгляда на китайскую историю, распространяемого пекинской пропагандой, замечена давно. Интересно в этом плане сатирическое изложение истории Европы ее глазами: Кузнецов С. Краткая история Европы в изложении для китайцев. UREL: <http://skuzn.livejournal.com/626075.html?page>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

турой. Но это не означает, что сама эта культура не изменялась. Таким же образом можно говорить и об ассимиляции варваров римской культурой: религия и латинский язык сохранились. Но в то же время феодальная Европа — это совсем не римская империя, так же как Китай под властью монголов династии Юань — совсем не сунский Китай. Что касается конфуцианства, то и его влияние не было безграничным. Китай знал целые эпохи, когда конфуцианство уходило на второй план, а наиболее влиятельными идеологиями становились легизм, буддизм, позднее — марксизм. Изменялись ли все эти системы под влиянием конфуцианства в большей степени, чем, например, в Европе христианство под влиянием философии Аристотеля — это еще вопрос.

Не выдерживает критики и постулат о незначительности внешних влияний, которые якобы не вели к изменениям коренной конфуцианско-легистской идеологии. Многие учения, широко распространившиеся в Китае и ставшие неотъемлемой частью его культуры, имеют не китайское происхождение. Пришедший из Индии буддизм, например, оказал огромное влияние на культуру и философию страны и в некоторые периоды фактически играл роль государственной религии. Контролировавшие значительную часть страны в XIX в. тайпины объявили своей идеологией христианство. «Три принципа» Сунь Ятсена гораздо меньше связаны с конфуцианством, чем с рядом западных теорий («разделение властей», теория Генри Джорджа, позднее — ленинского марксизма). Наконец, марксизм — государственная идеология современного Китая тоже пришел с Запада. Естественно, все эти учения изменялись на китайской почве, но то же происходило и со всеми другими учениями по мере их распространения по миру, например с христианскими политическими теориями и тем же марксизмом в России, исламом в Индии.

Пожалуй, наиболее веский аргумент в пользу уникальности китайской традиции — это китайская письменность, которая объединяет собой эпохи и поко-

ления. Действительно, образованный китаец и сегодня может читать довольно древние тексты и более или менее понимать их. Но сегодня таких людей в Китае становится все меньше и меньше. Классический китайский язык «вэньянь» не много учат в средней школе, но это особых знаний не дает. Всерьез его изучают лишь специалисты в университетах на гуманитарных факультетах. Остальные вряд ли смогут сегодня прочесть даже текст начала XX в. При этом не следует забывать, что приблизительно до 1960-х годов в большинстве школ многих стран Западной Европы в качестве обязательного предмета преподавали латынь (а иногда и древнегреческий), на ней же до Второго Ватиканского собора (1962–1965) велось богослужение в католических церквях. В результате многие образованные европейцы, учившиеся в школе до того времени, или просто верующие-католики до сих пор владеют латынью. Так что Китай в этом отношении, в связи с поздним распространением современного языка в письменной литературе, возможно, лишь несколько отстает от Европы.

Сравнения с Индией еще в большей степени не позволяют говорить об уникальной устойчивости китайских традиций. Многократно завоевывавшаяся различными пришельцами Индия, так же как и Китай, сохранила свою религиозную культуру, иноземные учения также подвергались изменениям на индийской почве. В Индии и соседних государствах образованные люди также владеют санскритом, который весьма близок к основному современному языку этого региона. Возможно, Индия в несколько в меньшей степени, чем Китай, сохранила древний язык, но зато в значительно большей — традиционную социальную структуру. И тем не менее, точно так же как и Китай, сегодняшняя Индия значительно отличается от древней.

Идея о том, что Мао Цзэдун — новый Цинь Шихуан, коммунисты — новая династия, а огосударствление собственности привело к восстановлению традиционной формы хозяйства, слишком проста. На современный Китай возможен

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

и совершенно другой взгляд. Начиная с 1920–1030-х годов китайская наука (за исключением некоторых философских произведений) не оперирует традиционными понятиями. В современном Китае, причем как на материке, так и в Гонконге и на Тайване (в отличие, например, от ряда мусульманских стран), на полках магазинов вы не найдете книг, анализирующих вопросы современной экономики, политики или жизни общества в традиционных терминах. Китайские экономисты, историки и политологи пользуются западной терминологией (к которым относятся и марксистские). Из конфуцианства используются лишь отдельные термины (типа «сяокан»), но их немного. В современном Китае гораздо лучше знают теории западных экономистов и политологов, чем построения Конфуция или Шан Яна. Традиционные теории изучают, но на практике применяют исключительно западные. Справедливости ради стоит сказать, что последнее время появились попытки применить некоторые традиционные теории, например, к внешней политике. Но современный мир изменился, и сделать это сложно, в любом случае, необходим некоторый синтез традиционного и современного.

Современные китайские молодые люди мало напоминают традиционных китайцев, они мало знают классическую культуру и не особо интересуются ею. По всем показателям: количество разводов, участие женщин в общественной жизни, уровень рождаемости и т.п. — китайское общество уже не то, что было 100 и даже 20 лет назад. Конечно, какие-то традиции, такие как уважительное отношение к старшим, долг по отношению к семье и родственникам, любовь к родным местам, передаются из поколения в поколение, но и они уже мало связываются с традиционными верованиями (культ предков и т.п.).

Отношение в современном Китае к традиционной культуре говорит скорее о пренебрежительном отношении к древней культуре, чем о ее уважении. Конечно, большинство китайцев знают свою мифологизированную историю, как и во многих странах, воссозданную писателями и

политиками-националистами в Новейшее время. Но в то же время древние памятники разрушаются в массовом порядке, на их месте строятся либо кварталы новых домов, либо современные муляжи, способные привлекать туристов. Стоит задуматься о том, что в этой стране древней культуры практически нет аутентичных зданий старше XV в. — все они либо снесены, либо перестроены. Нет ни одного города (за исключением небольших поселений, взятых под охрану в самое последнее время), сохранившего свой исторический облик. Чего стоят в этом отношении знаменитые древние Сучжоу и Ханчжоу, полностью перестроенные за последние 15–20 лет! А ведь повсюду в Европе можно встретить сооружения римского и даже греческого периода и целые города, в значительной мере сохранившие средневековый архитектурный комплекс. Даже в России есть церкви XI и XII вв. Вряд ли такое отношение к реальным памятникам истории свидетельствует о глубокой связи с традицией.

Конечно, по мере экономического развития и выхода Китая в мировые лидеры интерес к традиционной культуре повышается. Но это лишь интерес, а вовсе не призывы восстановить традиционный уклад, которые раздаются во многих мусульманских странах. В Китае невозможно представить «конфуцианскую революцию» по примеру «исламской революции» в Иране, или «шариатского правления» Талибана в Афганистане. Китай не называет себя конфуцианской республикой, как, например, Иран или Пакистан. Но даже стремление восстановить традиционный уклад не означает, что он действительно восстановлен. Такое вообще невозможно: и Иран, и Пакистан, и Афганистан сегодня — совсем не те, что были тысячу лет назад, да и не могут стать такими.

По мнению многих, не традиционная культура стала причиной как упадка страны при Мао Цзэдуна, так и нынешнего ее подъема. Объяснения этих явлений влиянием конфуцианства ничего не дают. Не следует забывать, что сторонники уникальности традиций сначала объясняли ими политику Мао Цзэдуна и экономиче-

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

ский коллапс, ею вызванный, а затем ими же — экономический подъем, вызванный реформами Дэн Сяопина.

Между тем сами китайцы вовсе не воспринимали республиканский Китай как продолжения имперского. Борьба за республику велась под лозунгами ликвидации иноземного господства Цинов, а затем новое понималось как полное отвержение конфуцианства, вэньяня и всего старого, отсталого и «феодалного». И лидеры движения за новую культуру, и Мао Цзэдун считали конфуцианство главным врагом и весьма преуспели в уничтожении конфуцианского наследия. И сегодняшние попытки официальных кругов, в условиях отсутствия «правильных» моральных ориентиров у молодежи, вновь использовать некоторые конфуцианские ценности и теории только свидетельствуют о том, насколько глубоко зашел процесс «вестернизации» на самом фундаментальном уровне.

В любом случае, говоря о современном Китае, следует иметь в виду, что помимо теории незыблемости традиций на Западе и в самом Китае существуют и другие подходы. Пожалуй, наиболее ярким критиком теории возрождения конфуцианства в новых формах был Дж. Левинсон, посвятивший доказательству смерти китайского конфуцианства в XX в. публиковавшуюся с 1958 по 1965 г. трилогию «Конфуцианский Китай и его современная судьба». По его мнению, «преemptивность китайской истории, в том числе ее коммунистической фазы, можно отстоять без объяснения последней возвращением извечно конфуцианства. Недовольство системой помещичьего землевладения, семейной системой, конфуцианским образованием накапливалось в Китае в течение длительного времени, а вовсе не со вчерашнего дня в доктринерских директивах. Хотя коммунисты, будучи у власти, способствовали распространению этих идей, их источники находятся глубоко в полутора столетиях бессистемного западного воздействия на более раннюю общественную структуру, которая была предложена для контакта»¹⁷. Со-

гласно Дж. Левинсону, если «интерпретировать интеллектуальную историю не как историю «мысли», а как историю мыслящих людей, можно увидеть не бескровное конфуцианство, накладывающее себя через личность на столь же абстрактный коммунизм, но уступающие дорогу, живущие, чувствующие и ослабляющие влияние конфуцианские поколения. Трансформированная и оставленная конфуцианская традиция прямо привела к коммунистической версии измененного китайского мировоззрения, не путем имманентного сохранения себя в коммунистической доктрине, но, не сумев сохранить себя, оставив наследников без гроша, потенциально чужими в собственной земле и, таким образом, прельстив их новой доктриной как ответом на их нужды»¹⁸.

Менее радикальную позицию занимает один из наиболее глубоких специалистов по китайской культуре американский исследователь тайваньского происхождения Ду Вэймин. Он соглашается, что вестернизация конфуцианского региона, включая Японию, две Кореи, материковый Китай, Гонконг, Тайвань, Сингапур и Вьетнам, «возможно, навсегда изменила интеллектуальный ландшафт», и считает, что «после более чем столетних унижений и разочарований, вызванных империалистическим и колониальным доминированием современного Запада, подъем индустриальной Восточной Азии символизирует унаследованную от эпохи Просвещения индустриальную рациональность, взятую в избытке. Ментальность Японии и многих «драконов» как раз и характеризуется... меркантилизмом, коммерциализмом, способностью к жесткой международной конкуренции. Китайская Народная Республика, родина циничного мира, со всей очевидностью избрала ту же стратегию развития и, таким образом, демонстрирует ту же ментальность, с тех пор как в 1979 г. были запущены процесс реформ. Конечно, возможность того, что они эволюционируют к более гуманному и устойчи-

¹⁷ Josef R. Levinson, *Confucian China and its Modern Fate: a Trilogy* (Berkeley and Los

Angeles: University of California Press, 1965. Vol. 1. P. 162–163.

¹⁸ Там же.

чивому сообществу, не стоит преувеличивать». Но в то же время, по мнению Ду Вэймина, «их коренные интеллектуальные ресурсы, включающие буддизм Махаяны, даосизм, синтоизм, шаманизм и другие народные традиции, способны выйти на поверхность и сделать свое присутствие заметным в новом синтезе», и «не стоит и просто отвергать широкое значение возрождения крупнейшей цивилизации в смысле ее собственного понимания и собственного направления»¹⁹. Таким образом, по мнению Ду Вэймина, практически задушенная вестернизацией традиция все же имеет шанс возродить некоторые свои элементы в будущем, смягчить западный «меркантилизм» и способствовать созданию конструктивного синтеза.

В любом случае, говорим ли мы о смерти конфуцианской традиции в ее классическом смысле или о ее возможном синтезе с внешними влияниями, эти внешние влияния сыграли значительную роль в китайской истории XX в., коренным образом изменив китайское общество. Их невозможно не учитывать, сводя все лишь к простому возрождению старого в новых формах.

Описанные выше политические условия, способствовавшие концентрации советских китаеведов на возрождении традиций, исчезли с распадом СССР. В эзоповом языке больше нет нужды, и, оценивая труды по Китаю, никто больше не будет делать скидки на то, что автор, недостаточно точно описав собственно Китай, внес большой вклад в борьбу за лучшее будущее собственной страны, заклеив ей политический режим. В этих условиях, на основе достижений советского китаеведения, и уйдя от его политизированности, необходимо более предметно заняться изучением собственно китайского общества. Нисколько не умаляя значения изучения традиций и их роли в современном обществе, сегодня необходимо сконцентрироваться и на изучении новых явлений, синтеза нового и старого.

Что касается собственно традиций, то от постулирования их возрождения в новых формах необходимо перейти к более детальному изучению конкретных механизмов их реальной передачи, а также механизмов возникновения общественных и культурных инноваций.

Внутренняя политика: Сталин и Мао

С утверждениями о том, что как советский, так и китайский коммунистический строй являются не чем иным, как возрождением многолетней имперской традиции, связано их фактическое отождествление. В работах советского периода это отождествление, естественно, не могло быть сформулировано прямо и выразилось в таком описании китайской внутренней политики, в особенности репрессивных кампаний, которое можно было бы легко приложить к описанию сталинского террора. Причиной такого подхода было желание подвергнуть косвенной критике сам сталинский террор, однако вел он к явному затушевыванию различий между политикой И.В. Сталина и Мао Цзэдуна, к непониманию принципиальных различий между ними.

Наиболее яркой китайской репрессивной кампанией и по числу пострадавших, и по влиянию на общество, безусловно, была «Великая пролетарская культурная революция». Она часто описывалась в СССР, причем как консерваторами, так и либералами, как хорошо организованная Мао и его окружением акция, направленная на устранение соперников и неугодных в руководстве КПК. Действительно, после провала политики «трех красных знамен» в начале 1960-х годов в руководстве страны большое влияние получили лидеры, выступавшие за более медленное построение социализма, допущение отдельных элементов частной собственности и последовательное экономическое строительство. Именно они и подверглись репрессиям в годы «культурной революции». В рамках этой концепции «культурная революция» по целям была сходна со сталинскими репрессиями, но лишь проводилась несколькими методами.

¹⁹ Tu Wei-ming. The Confucian World. URL: <http://www.coloradocollege.edu/academics/anniversary/Transcripts/TuTXT.htm>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

В то же время исследования событий «культурной революции», беседы с ее участниками показывают, что по атмосфере, целям и результатам она значительно отличалась от сталинских репрессий. Первое, что настораживает, — это отношение к «культурной революции» тех из ее участников, кто впоследствии встал на антикоммунистические позиции, — китайских «диссидентов». Невозможно представить, чтобы кто-то из советских диссидентов позитивно оценил хотя бы какой-то из аспектов сталинского террора. Это и понятно — организованное убийство тысяч людей вряд ли может вызвать какие-то положительные эмоции. Между тем многие китайские диссиденты с одобрением и даже некоторой ностальгией отмечают атмосферу свободной критики, внезапно возникшей после начала «культурной революции», и возможность обратить эту критику против реальных недостатков. Конечно, это критика не была неограниченной. Самого Мао нужно было боготворить. Но его именем можно было делать почти все что угодно.

Так, оценивая «культурную революцию» сегодня, ее участник, а ныне — известный оппозиционный философ Го Лоцзи говорит: «Вопрос о «культурной революции» очень сложен. Вначале молодежь и простой народ были преисполнены революционного энтузиазма, многие поднялись на борьбу с бюрократизмом, потому что долгое время испытывали гнет коммунистической бюрократии. Поэтому, когда Мао Цзэдун призвал к проведению «великой культурной революции», внизу воспользовались этим призывом для борьбы с бюрократией в своем учреждении. В ней были и положительные стороны, но очень многие методы были крайне варварскими»²⁰. Другой оппозиционный теоретик Ван Цзюньгао, проведенный несколько лет после событий 1989 г. в тюрьме, так сравнивает ситуацию в КНР и СССР: «Первое различие — это великая культурная революция. Мао Цзэдун разрушил авторитет компартии, для китайских

молодых людей компартия — не авторитет. Для Вас, возможно, компартия всегда была авторитетом. Ни Сталин, ни Брежнев, ни революционеры не думали пошатнуть авторитет компартии. Но Мао Цзэдун считал, что низы могут свергать верхи... Он не называл это борьбой с компартией, но провозгласил: «Бунт — дело правое!» Он говорил, идея о том, что «бунт — дело правое», — суть марксизма. Эту песню пела вся китайская молодежь. Если бюрократ — я могу против тебя бунтовать!»²¹

Эти и подобные оценки заставляют задуматься над различиями, которые сводятся к следующему. Сталинский террор был хорошо организованной кампанией по физическому устранению политических противников единоличной власти И.В. Сталина, а затем — по физическому устранению лиц, которые по своему происхождению, образованию, положению в обществе когда-либо в будущем могли этой власти представлять какую-либо угрозу. Конечно, в такой огромной стране, как СССР, он сопровождался определенной неразберихой, затрагивал самые различные слои общества, случались ошибки (в том смысле, что кто-то спасался, а репрессировали не того, кого хотели), но определенная логика, организованный характер репрессий и направленность на физическое уничтожение основных объектов террора не вызывают сомнений.

Механизм «культурной революции» в КНР был совершенно иным. Ее основным проводником были не правоохранительные органы, но само население, прежде всего молодежь. Именно молодежь, а позднее — рабочие, формировали отряды, которые осуществляли репрессии против собственного руководства. Их объектом были не столько конкретные люди, сколько бюрократический класс в целом (за исключением армии). Проводилась она неорганизованно, отдельные группы боролись между собой, что создавало возможность лавирования между ними. Маоистское руководство лишь запустило движение, далее оно развивалось по соб-

²⁰ Интервью автора с Го Лоцзи. Бостон. 03.07.1998.

²¹ Интервью автора с Ван Цзюньгао. Нью-Йорк. 07.01.1998.

ственным законам, а когда зашло слишком далеко, было подавлено при помощи армии. И наконец, что особенно важно для дальнейших судеб страны: жертвы как правило физически не уничтожались, а подвергались психологическому террору с целью «перевоспитания». Именно поэтому большинство противников курса Мао выжили (в отличие от противников И.В. Сталина) и после смерти «великого кормчего» пришли к власти.

«Культурная революция» — не хуже и не лучше сталинского террора. Обе кампании принесли страшные бедствия. Но они принципиально различны не только по ходу, но и по идеологическим основаниям. В рамках коммунистической тоталитарной модели у И.В. Сталина не было идеологических предпочтений, его целью была власть сама по себе. В тактических целях он мог блокироваться с правыми, чтобы свергнуть левых, а затем брать на вооружение левую политику, чтобы свергнуть правых. Он не верил в народную активность и боялся ее. Его модель государства — модель безграничной единоличной власти, опирающейся на машину государственного террора. Для Мао государство было малоинтересно. Он считал, что коммунизм могут построить проявляющие активность народные массы, которые бюрократическое государство только сковывает. Не случайно он говорил, что хотел бы повторять «культурную революцию» каждые десять лет. Если И.В. Сталин был фанатиком тоталитарной государственной власти, то Мао — фанатиком тоталитарной активности народных масс, единственным ограничением которой должна была быть любовь к нему (так как он считал, что хочет народу добра). В этом смысле И.В. Сталин был гораздо более традиционен, «восточен», в смысле склонности к «восточному деспотизму». Идеи Мао гораздо сильнее связаны с теориями левого коммунизма, близко к троцкизму с его критикой бюрократии, и даже анархизму, а также к идеям «движения 4 мая» — с его ненавистью к традиции, конфуцианству, которые, как считалось, мешают прогрессу страны. Он не только не восстанавливал традиционную китайскую империю, но боролся с ней и считал, что

его соратники-традиционалисты, как только он отходит от дел, восстанавливают традиционную бюрократическую структуру. Но, не признавая демократических методов борьбы с бюрократией и застоём, он в соответствии с левыми утопическими идеями, предпочитал бороться с ними гневом народных масс. Именно поэтому, отрицая его левые и социалистические идеи, некоторые диссиденты признают его искренность в борьбе с тем, что Л.Д. Троцкий называл «диктатурой секретариата».

Различия между сталинскими репрессиями и «культурной революцией», кроме всего прочего, во многом определили и дальнейшие неодинаковые судьбы КНР и СССР. Перефразируя Л.Н. Толстого, можно сказать, что не только семьи, но и народы, в том числе и под властью компартий, могут быть несчастливы по-разному. Недооценка этих различий ведет к односторонности и недостаточному пониманию исторических процессов.

Внешняя политика: возрождение империализма

Другая идея, основанная на идеологическом подходе, сводится к тому, что во внешней политике КНР возродила империалистическую или «китаецентристскую» политику, характерную для императорского Китая. С этим в СССР были согласны как коммунистические ортодоксы, критиковавшие Пекин за отход от «пролетарского интернационализма», а по сути, от поддержки внешнеполитического курса Москвы, так и либералы, считавшие советскую политику «империалистической» и использовавшие пример «империализма» Пекина для ее скрытой критики. Как и в случае с традициями, этот подход вел к упрощенному пониманию внешней политики обоих государств и абсолютизации их сходства.

Среди противников советского режима уже во время существования СССР установилось мнение, что и СССР, и КНР отбросили в реальной политике марксистские теории пролетарского интернационализма и мировой революции и, используя их только для идеологического прикрытия, в действительности осуществ-

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

вляли традиционную территориальную экспансию. Хорошим примером здесь может служить известное эссе А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», в котором он писал: «Китай, как и наша страна, пережил революцию и гражданскую войну и, как и мы, воспользовался марксистской доктриной для консолидации страны. Как и у нас, по мере развития революции марксистская доктрина становилась все в большей степени камуфляжем, который более или менее прикрывал национал-имперские цели. Обобщенно говоря, наша революция прошла три этапа: 1) интернациональный, 2) национальный, связанный с колоссальной чисткой старых кадров, и 3) военно-имперский, закончившийся установлением контроля над половиной Европы. Как мне кажется, китайская революция проходит те же этапы: интернациональный период сменился националистическим, и по логике событий, вслед за этим должна последовать внешняя экспансия»²².

Внутри СССР люди, не являвшиеся диссидентами и публиковавшие свои работы официально, естественно, не могли рассуждать подобным образом про свою страну, но после разрыва с Пекином могли называть империалистическим Китай. Для них это было не только научным анализом, но и актом выражения несогласия с советской политикой, вернее, критическая политическая позиция в отношении СССР способствовала движению их анализа политики Пекина в данном направлении. Это позволялось в связи с тем, что и сторонники официальной позиции, пытались найти объяснение антисоветизма Пекина, также часто объясняли его скатыванием к империализму.

Что касается СССР, то упрощенный характер понимания его внешней политики как простого продолжения экспансионизма российской империи хорошо виден именно на примере отношений с Китаем²³. Лишь марксистско-ленинская

убежденность в том, что Китай, объединенный под властью «национально-демократического» Гоминьдана, а затем «рабоче-крестьянской» КПК, может стать надежным союзником социалистического СССР в борьбе с мировым империализмом, могла заставить Москву вооружать и всеми силами укреплять эти две организации. Обе они, консолидировав страну под своей властью с советской помощью, позднее занимали антисоветские позиции. Такая политика никак не могла проводиться царским режимом, всегда предпочитавшим не способствовать объединению Китая, а закрепляться на его территории. Другой пример: смягчение условий союза с Китаем в договоре с коммунистическим Пекином 1950 г. по сравнению с договором 1945 г., заключенным с гоминьдановским правительством. Здесь уступки И.В. Сталина можно только объяснить идеологическим видением коммунистического Китая как ближайшего союзника, в отличие от «классово чуждого». Вряд ли царское правительство могло бы добровольно пожертвовать российскими интересами в Китае ради какого бы то ни было «социально близкого» режима²⁴. И уж оно точно никогда бы не сдало «классовому другу» таких важных «агентов влияния», как, например, один из высших руководителей КНР Гао Ган, а именно это сделал И.В. Сталин, пытаясь наладить отношения с Мао Цзедуном.

Таким образом, следует согласиться с выводом А.Д. Воскресенского, заключившим, что «на определенном этапе в советском подходе к отношениям с КНР обладали скорее идеологические, чем геополитические факторы. Или, что будет точнее, идеологические факторы стали определять геополитический подход. В этом состояло еще одно различие между отношениями Китая с царской и Совет-

XVII–XXI веках. М. : Восток-Запад : АСТ, 2007. Гл. 2.

²² Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969.

²³ Подробнее см.: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в

²⁴ Внешняя политика, основанная на идеологии, была известна и ранее, хотя, конечно, не была основной, а скорее исключением. Один из примеров — союз Николая I с Австрией, который в смысле обычных национальных интересов ничего не давал России.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

ской Россией. В данном случае также очевидно, что «новые» отношения не были в равной степени благоприятными для обеих сторон»²⁵.

Что касается желания И.В. Сталина расширять территории СССР и создавать марионеточные режимы по всему миру, то и это можно объяснить с марксистских позиций как желание расширить область господства социализма как более прогрессивного строя. Вот один из наиболее радикальных примеров. И.В. Сталин в свою очередь в беседе с генеральным секретарем ИККИ Г. Димитровым 7 сентября 1940 г. так сформулировал отношение к исчезновению Польши с карты мира: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население»²⁶. Речь здесь, как видим, идет не о территориальных приобретениях СССР, а о расширении сферы распространения социализма.

Конечно, в политике И.В. Сталина идея восстановления территории Российской империи как территорий, по праву принадлежащих СССР, вероятно, играла определенную роль. Но она причудливо переплеталась с марксистскими воззрениями, причем в зависимости от обстановки в различные периоды те или иные элементы этой общей идеологии выходили на первый план.

Внешнюю политику КНР также вряд ли можно рассматривать как исключительно экспансионистскую в традиционном, имперском понимании. После прихода к власти КПК И.В. Сталин рассматривал Китай как форпост социализма в Азии. С этой ролью Пекин в тот

период был согласен. Советский лидер говорил, что, «поскольку СССР входит в Азию лишь частично, а Китай весь в Азии, ему должна принадлежать первая роль»²⁷. Обобщая взгляды И.В. Сталина на Китай накануне победы коммунистов, С.Н. Гончаров, Дж. Льюис и Сюэ Литай делают вывод: «Китайцы получают собственную сферу ответственности и влияния, но будут действовать под всеобъемлющим контролем Москвы так, чтобы не поставить под угрозу ее целей. Китайцев поощряли на более активные и агрессивные действия в Азии, но лишь до той степени, чтобы в них не оказалась замешана Москва»²⁸.

После ссоры с Москвой Пекин продолжил деятельность на поддержку радикальных коммунистических движений в слаборазвитых странах в Азии и по всему миру, но уже без учета интересов Москвы, принял на себя роль революционного лидера «третьего мира». Теория «трех миров» была развитием ленинизма-сталинизма в условиях разрыва с СССР, но ее и основанную на ней политику трудно объяснить традиционным экспансионизмом. Не могли же в Китае серьезно считать, что после победы маоистов, например, в Индонезии или других, еще более отдаленных странах, Китай присоединит их.

Сложно с точки зрения традиционного экспансионизма трактовать призывы Мао Цзэдуна к третьей мировой войне с использованием ядерного оружия. Вряд ли в имперских интересах Китая была гибель значительной части его населения, а затем — победа коммунизма во всем мире, где, вероятно, более влиятельный СССР все равно бы играл более значительную роль. Наиболее экспансионистский пример из китайской внешнеполитической практики: провоцирование вооруженных конфликтов с Индией в конце 1950-х — начале 60-х годов. Однако и здесь есть яв-

²⁵ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Муравей, 2004. С. 466.

²⁶ Цит. по: Сальков А.П. «Польский вопрос» и западная граница СССР в советской внешней политике (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.) // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. Вып. 1 / редкол.: О.А. Яновский (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2004. С. 214.

²⁷ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937—1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С.171.

²⁸ Goncharov S.N., Lewis John W. and Litai Xue. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, California: Stanford University Press, 1993. P. 72.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

ные черты марксистского подхода. Так, реагируя на знаменитое заявление ТАСС 1959 г. по поводу китайско-индийского пограничного конфликта, Пекин выражал непонимание, почему Москва прямо не встала на сторону социалистического Китая в споре с капиталистической Индией. С точки же зрения Москвы, Индия была одним из лидеров «прогрессивных развивающихся стран», союзницей мирового социализма, поэтому речь шла о сложном не только геополитическом, но и идеологическом выборе.

Сегодняшний Китай, конечно, во внешней политике отошел от марксизма гораздо дальше, чем в 1950–1960-е годы. Но и сегодня объяснять его внешнеполитический курс исключительно возрождением традиционных теорий и практики было бы слишком упрощенно. Традиционная китайская внешнеполитическая доктрина не знала ни концепции равных отношений с партнером, ни понимания, что в мире вообще существуют другие государства, ни четкой трактовки государственных границ, ни много другого. Но сегодня Китай изменился, изменился и внешний мир. Сегодня Китай, как современное государство, естественно, все эти понятия активно использует. Поэтому наиболее конструктивными представляются попытки трактовки современной внешней политики Пекина как результат сочетания, синтеза различных традиционных, националистических (теорий Сунь Ятсена и т.п.) и более современных подходов²⁹.

В любом случае, излишняя идеологизированность ведет как к научной необъективности, так и к весьма опасным и нереалистичным прогнозам. Не следует забывать, что упоминавшийся А. Амальрик, ожидавший так и произошедшего роста экспансионизма Пекина, предсказывал неизбежность советско-китайской

войны и даже призывал демократические США не проявлять «расизма», не помогать СССР и встать на сторону Китая. Вряд ли современные аналитики, исходящие из извечности и неизменности китайского подхода к миру, способны на более реалистичные и полезные для России прогнозы.

Выводы

Задача отделить попытки достижения политических или идеологических целей от поисков научной истины ставилась в общественных науках давно. М. Вебер сформулировал ее еще в начале XX в. Выдающийся немецкий социолог считал основным условием превращения науки об обществе в «объективную» отделение изучения «сущего» от «долженствующего быть сущим». Другими словами, исследование того, что есть на самом деле (реальности), нельзя смешивать с описаниями того, что «должно быть» (отсутствующего в реальности идеала), и призывами стремиться к нему. Это не означает, что об идеалах, о том, к чему следует стремиться, писать нельзя, что не следует заниматься, по определению М. Вебера, разработкой «оценочных суждений об определенных политико-экономических мероприятиях государства»³⁰. Но два эти стиля не нужно смешивать, и что особенно важно, нельзя выдавать работы, написанные с политической целью, за научное исследование: такое произведение будет политической статьей, докладом, рекомендацией, но не исследованием научной истины. Конечно, исследователь не может полностью исключить влияние собственных взглядов и политической позиции на свое исследование, но он должен хотя бы пытаться это делать, понимать, что такое влияние вредит цели установления научной истины.

Так сложилось, что исследования международных отношений особенно тесно связаны с политикой. Это характерно не только для России и Китая, так обстоит дело и в других странах. Однако полное господство идеологии в СССР

²⁹ Интересный пример: Чжао Хунвэй. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии. Аналитические записки НКСМИ МГИМО(У) МИД России. Выпуск 1 (21), январь 2007. URL: <http://old.mgimo.ru/fileserver/books/az-21.pdf>

³⁰ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М., 1990. С. 346.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

особенно сильно повлияло на общественные науки, что часто дает о себе знать не только прямо, но и косвенно. Поскольку большинство из нас вышло из того времени, то его отпечаток сохраняется на некоторых исследованиях и сегодня. Однако политическая ситуация к настоящему времени коренным образом изменилась, нужна в использовании китайского

примера для описания собственной страны отпала, про ее политические и экономические проблемы вполне можно говорить прямо. И российские китаеведы имеют полную возможность заняться собственно Китаем, без оглядок на Россию. Именно такой неполитизированный подход и даст наиболее объективный материал для сравнительных исследований.